Светлов, М. А. Повзрослевшие сказки / М. А. Светлов // Собрание сочинений : в 3 т. / М. А. Светлов. – М. : Худож. лит., 1974. – Т. 3 : Статьи. Воспоминания. Выступления. Сказки. – С. 325-357.

Повзрослевшие сказки

Человек в своей короткой жизни бывает счастлив дважды: в первый раз, когда он слушает сказки, во второй раз, когда он их сочиняет.

Наша денежная реформа не застала меня врасплох. Уже несколько лет я мечтал написать повесть о том, как некий Рубль разбился на десять гривенников, и о невероятных приключениях этих гривенников. И — вдруг денежная реформа. И число «10» в этой реформе.

Думается, что это не случайное совпадение. Много лет тому назад я написал «Гренаду», после чего произошли всем известные события в Испании. Затем я написал «Каховку», после чего там выросла великая гидростанция. И вот совсем недавно я написал стихотворение «Голоса», которое удивительно подошло к запуску нашей ракеты на Венеру, хотя ни я, ни редактор об этом событии даже не подозревали.

Все это я говорю вовсе не из хвастовства. Просто мне кажется, что во мне есть нечто от прорицателя. И я искренне удивляюсь тому, что ко мне не съезжаются политические деятели разных стран, с тем чтобы я предсказал им их будущее.

Хорошие люди, когда приходит их смертный час, предпочитают, чтобы их хоронили в ненастную погоду. Они любят, чтобы ноги друзей и родственников, провожающих их в последний путь, чавкали по грязи или мерзли от свирепого холода.

Они любят, чтобы в автобусе, в котором они приехали на кладбище с Ним и уехали без Него, было очень душно или очень холодно.

И в этом нет никакого эгоизма. В этом есть свой благородный человеческий расчет.

Они хотят, чтобы тряска автобуса, чтобы неожиданный прокол шины, чтобы ругань шофера, чтобы возмущение пассажиров (поскорее бы очутиться в тепле!) или неожиданно хлынувший ливень задержали друзей и родственников в пути. Они хотят, чтобы все эти мелкие неприятности отвлекли близких живых людей от их большого горя.

И они правы. Разве мы не замечали, что на обратном пути наступает момент какого-то странного веселья, что пассажиры оживленно разговаривают и что некоторые поминки звучат сильнее, чем некоторые свадьбы.

Лил проливной дождь, когда Никанор Иванович Пастухов, работающий официантом в кафе на пятнадцатом этаже гостиницы «Москва», хоронил свою жену. Он равнодушно прожил с ней около сорока лет, но смерть заставила его полюбить ее. И вот он уже два дня плакал искренними слезами, чего никогда не делал при живой жене.

Он посмотрел на свои ботинки. Они были сплошь в мокрой глине. Да и костюм был в глине. «В таком виде нельзя являться на работу», — подумал он. Потом он подумал, что у него нет средств на поминки, потом он подумал, что шеф Петр Семенович не сделает ему выговора (смерть жены — уважительная причина), что инвалиду выдали специальный автомобильчик, потом он вспомнил, что для детишек его дома строят спортивную площадку, потом он вспомнил, что у чистильщика обуви на углу есть специальная будка, и только потом он вспомнил о своем горе. Он окликнул свое горе, но оно не откликнулось, оно осталось на кладбище.

Он посмотрел в окно. Он увидел огромные, недавно выстроенные кварталы домов.

«Почему же я их раньше не заметил?»

Он был простой человек и не знал, что на пути к прощанью ничего не замечаешь, а на обратном пути начинаешь кое-что замечать. Он увидел, что дома построены

квадратами, и в каждом квадрате зеленеет большая площадка, а на одной из площадок он увидел бассейн, в котором, несмотря на дождь, плескались ребяташки.

Никанор Иванович заметил, что ни у одного дома нет ворот. «Да и к чему они — ворота!» — подумал он.

Дождь прекратился, когда он подъехал к Охотному ряду. На углу рыли тоннель для прохожих, и так как Никанор Иванович принадлежал к племени прохожих, он подошел посмотреть.

Фыркали какие-то машины, скидывали бедную землю с ее вековой постели, и какой-то человек бегал по краю огромной ямы и что-то кричал.

«Должно быть, прораб», — подумал официант, но тут же вспомнил, что опаздывает на службу...

Швейцар сочувственно встретил его.

В служебной комнате он увидел накрытый стол. Его украшали несколько бутылок вина, блюдо с ветчиной и неожиданная ливерная колбаса (в кафе ее не подавали). Стол был рассчитан, как говорится, на восемь кувертов.

— Натюрморт, — сказал Никанор Иванович.

Этому слову научили его знакомые художники, посещавшие рестораны. Как-то он встретился с ними в вестибюле, где действительно висел натюрморт. Художники, подвыпив, решили позабавиться и хоть вскользь посвятить официанта в тайны своего искусства.

— Это натюрморт, — сказал один из них, указывая на картину.

Никанор Иванович ничего не понял.

— Натюрморт? — спросил он.

— Натюр, а не натур!

— Натюрморт, — согласился официант. — А вот скажите, если бы вместо этого жареного тетерева на столе была бы нарисована вареная курица — это тоже натюрморт?

— Тоже.

— А если было бы нарисовано обыкновенное мясо, говяжье там, баранье или телячье, — тогда как?

— Натюрморт.

— А если бы никакого мяса не было?

— Натюрморт.

И тогда он понял, что в живописи произошла большая перемена — любая картина теперь называется «натюрморт».

И когда он однажды, работая не в ресторане, а разнося блюда по номерам в сопровождении начинающего официанта, увидел на шестом этаже какую-то батальную картину, он торжественно произнес: «натюрморт».

Начинающий официант притворился, что понял...

Никанор Иванович снова удивился накрытому столу и главным образом тому, что за этим столом никого не было.

Он сел, склонил голову на руки и слегка задремал. И ему показалось, что весь его сегодняшний день перенесли на холстину: дождь — натюрморт, дорога — натюрморт, автобус — натюрморт, гроб — натюрморт, кладбище — натюрморт, и вся его прошедшая жизнь — натюрморт, и его покойная жена Евдокия Марковна, уроженка Смоленской области, — самый главный натюрморт.

Полусонные слезы потекли по его щекам.

Его разбудили приближающиеся голоса. Вошло несколько официантов во главе с метрдотелем.

— Не удивляйся, мы решили устроить поминки по твоей Евдокии Марковне. Пусть мы с тобой находимся на разных служебных ступеньках, но все мы детали одной лестницы, называемой жизнью, — несколько высокопарно произнес метрдотель, недавно прочитавший четыре стихотворения Рабиндраната Тагора.

Все уселись за стол.

— Не больше, чем по одной, — сказал метр. — Вы на работе. А тебе можно и вторую — у тебя горе.

Вино разлили по бокалам.

— Памяти Евдокии Марковны! — сказал метр. Какой-то официант потянулся к нему чокнуться.

— На поминках не чокаются, — строго сказал метр.

Выпили тихо.

— Постарайся забыть свое горе, — продолжал метр. — Но это вряд ли тебе удастся. Я вот уже двадцать лет не могу позабыть собственное горе.

Но один молодой, уже подвыпивший официант пафосно произнес: — Не желаю я пить за покойных! Я желаю поднять тост за живых, за их дела, за их будущее! Ура-а-а! — завопил он во всю свою молодую силу.

— Дисциплинированный официант не имеет права кричать, — получил он замечание от метра. — Дисциплинированный официант даже слово «ура!» должен произносить тихо.

— Ура! — шепотом прокричал дисциплинированный официант...

В ресторане наступили часы «пик». И если до этого официанты покидали подсобку небольшими группами, то сейчас, подчиняясь авралу, они оставили бедного Никанора Ивановича в полном одиночестве.

За стеной играла музыка, веселилось подобие человеческого счастья, а он, грустный, сидел за столом и получал удовольствие от своей грусти. В таких случаях всегда тянет к поэзии.

Он помнил только две строки двух разных стихотворений. И сейчас он вычерпал до дна весь свой кладезь поэзии.

«Средь шумного бала, случайно...» — подумал он о себе под музыку и под шелест танцев в соседнем зале.

И выпил.

— Извиняюсь, что без тебя, Евдокия Марковна, — сказал он и налил следующую. Он вспомнил начало своего романа с покойной супругой.

Она полюбила его как поэта. Дело в том, что Никанор Иванович (тогда еще Никочка) вычитал где-то стихотворную строчку «Встречая новую зарю» и подгонял эту строчку под все случаи жизни. Скажем, его угощали вином. И тут же рождался экспромт: «Встречая новую зарю, вас за вино благодарю». Угощали папиросой, и к неизменной строчке «Встречая новую зарю» прибавлялась новая: «Вас за табак благодарю». Когда давали чаевые: «За денежки благодарю»... И так во всех случаях жизни.

Это покорило Евдокию Марковну (тогда еще Дусю). Рифма есть, значит, и поэт есть. И она согласилась совершить с ним загородную прогулку...

Вечерело. Облака — эти одеяла господ бога — накрывали землю. Было очень тепло.

На пустынной лужайке в лесу они уселись на траву. Никанор Иванович любил траву больше деревьев. На деревьях объясняются в любви только птицы и обезьяны. На траве в любви объясняются люди. И Никочка объяснился. Набравшись храбрости, он предложил: — Не разделите ли вы со мной свое будущее?

Любовь была велика, но Дуся все еще сопротивлялась:

— А если ваше будущее — тюрьма, так мне что — вам передачи носить?

Никанор растерялся, но спасительная поэзия пришла ему на помощь. «Встречая новую зарю, вас за любовь благодарю», — выпалил он, и Евдокия сдалась.

И сейчас же ему расхотелось жениться. Греческая богиня любви Афродита была тут ни при чем, но они поженились и прожили вместе около сорока лет. Детей у них не было...

«Как там они без меня справляются?» — подумал Никанор Иванович и нетвердыми шагами покинул подсобку.

Он мутнеющими глазами осмотрел зал. Почти всех танцующих он знал. Они были ему неинтересны. И скучно, невыносимо скучно стало ему. Хоть бы какой настоящий

авантюрист попался! Он продолжал озирать зал в поисках какого-нибудь настоящего авантюриста.

Его внимание привлек весьма пожилой, одиноко сидящий за столиком человек. Две опорожненных бутылки коньяка стояли перед ним. К нарезанному лимону он, очевидно, и не притронулся. Он лениво смотрел на танцующих и думал какую-то никому не известную думу.

Никанору Ивановичу этот человек показался подозрительным.

Почему люди пьют? Потому что, когда они выпивши, им кажется, что они обладают неограниченной властью.

И Никанор Иванович решительно подошел к незнакомцу:

— Ваш паспорт!

— А вы кто такой? — безразлично спросил незнакомец.

— Я работник одного учреждения, — смело ответил официант и тут же поправился: — Этого учреждения.

Незнакомец безразлично протянул паспорт, и Никанор Иванович прочел:

— Иван Иванович Рубль. Год рождения 1473.

Никанор Иванович во все глаза уставился на незнакомца. «Для своего возраста неплохо выглядит», — подумал он, сказал: «Извиняюсь», — и ушел обратно в подсобку.

Хмель как будто начинал проходить, и еще одна стопочка подкрепила гаснущие силы официанта. Душевное состояние восстановилось, и он готов был участвовать в любых сказочных приключениях. Он вынул сигарету, а спички выскользнули из его дрожащих пальцев и рассеялись по полу. Он встал на колени, пытаясь собрать их. И ему показалось, что спички убегают от него. И не мудрено! Надоело им жить в этой чудовищной тесноте, в бараке, именуемом коробком, и каждая из них решила пойти по свету искать отдельную однокомнатную квартиру.

Не успел Никанор Иванович собрать все спички, как голову его просверлила пронзительная мысль: «Не может быть, чтобы нормальному человеку было без малого пятьсот лет! Пойду-ка еще раз проверю!

Страшное зрелище ожидало его. Незнакомец, пошатываясь, ходил по самому верху балюстрады. Официант бросился было к нему, но было уже поздно. Никанор Иванович склонился над балюстрадой и посмотрел вниз. Он ничего не увидел. Он только услышал тихий звон. Это Рубль, ударившись о тротуар, разбился на десять гривенников.

О дальнейших судьбах этих гривенников, каждой в отдельности, и пойдет мое повествование.

I

Мой первый Гривенник, освободившись от родительской опеки Рубля, фланировал по улице Горького.

Он остановился перед магазином готового платья. За стеклом стояли хорошо одетые манекены и, как всегда, загадочно смотрели вдаль.

Гривенник постоял, постоял и пошел дальше. Вот он оказался перед кафетерием и сразу почувствовал, что очень голоден. Он увидел выходящих из кафетерия довольных и улыбающихся людей, и, как всякий голодный человек, он счел всех сытых людей негодьями: «Небось, паразиты, икры нажрались!»

Бунта против сытых он не стал устраивать, а просто подумал, как ему при весьма скудных средствах утолить свой голод. «Только не надо унижаться. Надо всегда быть гордым!». И с видом двугривенного Гривенник вошел в кафетерий.

Свободных столиков не было. Он подсел к какой-то пожилой женщине в платье, какие наши женщины не носят. Ему захотелось побеседовать с ней, но из иностранных слов он знал только фамилии приключенческих писателей: «Майн-Рид», «Жюль Верн», «Брет-Гарт». На таком языке много не наговоришься.

Иностранка расплатилась и ушла. И тогда официантка обратилась к нему:

— Вам чего, молодой человек?

— Меню!

В прејскуранте все было выше его возможностей.

Цены доходили до рубля и выше.

— Выбрали, молодой человек?

— Я еще подумаю.

Как бы ища выхода, он осмотрелся вокруг. Кругом ели. Кто жадно, кто равнодушно, а кто даже презрительно.

Кошка под столиком уминала брошенный, ей кем-то остаток котлеты. Она на минуту оторвалась от еды и посмотрела на голодного мальчика. «Бывает же счастье!» — внутренне промяукала она и снова принялась за трапезу.

В полном отчаянии Гривенник взглянул на дородную буфетчицу и затем на покрытый изогнутым стеклом прилавок. Цифра «8» привлекла его внимание.

«Не восемь же рублей, — подумал Гривенник. — Такого дорогого блюда и на свете нет!»

Он небрежной походкой подошел к прилавку и убедился в том, что сдобная булочка стоит восемь копеек.

Теперь он уже уверенно сидел за своим столиком.

Подошла официантка.

— Ну как, выбрали, молодой человек?

— Знаете, мне как-то расхотелось есть. Но, пожалуй, вон ту булочку я съем. Принесите.

Эту булочку он мог бы проглотить в секунду, но подчинился ресторанному ритуалу. Минут десять он пощипывал булочку, пока от нее следа не осталось.

— Девушка! — громко позвал он. Так подозрительные юноши и девушки кличут официанток. Мой Гривенник хотя и был мал, но успел много чего наслышаться. — Сколько с меня?

— Восемь копеек, — равнодушно сказала официантка, поняв, что чаевых не будет. Но мой Гривенник был не такой.

— Получите девять! — небрежно сказал он. И как только в его руке очутилась сдача, произошло редчайшее на земле явление: мальчик превратился в девочку — Гривенник стал Копейкой.

И вот девочка Копейка стоит на углу Пушкинской площади и не знает, куда ей деваться. Она неумело поправляет на себе плиссированную юбочку, проверяет пуговицы на кофточке, лишь бы убить время...

Из кондитерского магазина вышли двое влюбленных. Трагедия их заключалась в том, что оба работали в вечерней смене, а днем им негде было встречаться.

— Эврика! — воскликнул влюбленный, увидев одинокую девочку Копейку. Его подруга была менее образованна и подумала, что девочку зовут Эврикой.

Мало ли какие имена напридумало человечество за последние десятилетия!

— Ты куда идешь, девочка?

— Мне все равно, куда идти. Я сейчас свободна, — ответила девочка Копейка.

— Тогда едем с нами!

Он поднял руку. Проезжавшее мимо такси закрипело тормозами.

— Эврика! — повторил влюбленный, обрадовавшись своей неожиданной выдумке, суть которой мы скоро узнаем. — Ты, девочка, сядешь с шофером. Ты ребенок, а детям всегда хочется быть впереди.

— Куда? — спросил шофер.

— На Курский вокзал.

Девочка следила за счетчиком, за быстро мелькающими копейками, и ей показалось, что это ее сверстницы взапуски бегут одна за другой.

Потом она вспомнила, что ее тетя — ее единственный родственник на земле — живет в городе Курске на углу Сказки и Большой Почтовой улицы. «Может быть, они едут через Курск и возьмут меня с собой?».

— Куда ты меня везешь? — спросила влюбленная. — Я никуда не поеду. У меня вечерняя смена.

— И у меня, ты знаешь. Мы никуда не поедем.

— Зачем же тебе Курский вокзал?

— Мне не весь вокзал нужен. Мне нужен только перрон, — таинственно сообщил влюбленный.

На вокзале он, оставив девочку Копейку на попечение своей подруги, побежал к расписанию поездов дальнего следования. Он скоро вернулся.

— Поезд на Симферополь отправляется через час с лишним. Значит, нам с тобой минут сорок нечего делать.

— А мне уходить? — спросила девочка Копейка.

— Нет, нет, ты побудь с нами. Ты, наверное, голодна?

— Я бы что-нибудь поела, — скромно ответила девочка.

В ресторане он спросил:

— Так что бы ты поела?

— Все! — не задумываясь, ответила Копейка.

После хорошо прожаренного бифштекса и двух бутылок крем-сода девочка задумалась. Она пыталась представить себе свою тетю, которая, думается, не случайно живет на углу Сказки. Да и сам угол, упирающийся в Сказку, должен быть чрезвычайно интересен. Но все представления были у нее от прочитанных книжек. А ее тетя и угол, на котором она живет, должны быть ни на что не похожи. А непохожего она ничего не могла представить себе.

Втроем они вышли на перрон. Пассажиры и провожающие только еще собирались, и влюбленные вместе с девочкой начали вдоль пересекать перрон.

Но вот толпа стала гуще, начались объятия и поцелуи. И наши влюбленные стали так обниматься и целоваться, как будто они прощались навеки. И поезд уже давно отошел, и разошлись провожающие, а ненасытные влюбленные не отрывались друг от друга.

Подошел дежурный по вокзалу:

— Это что такое, граждане?

— Мне дали билет не на тот поезд, — нашлась девушка.

— А что это за девочка?

— Я — их девочка, — помогла влюбленным Копейка.

Дежурный отошел.

— Приходи каждый день к Симферопольскому поезду, — ласково сказал влюбленный, и девочка осталась одна.

Она дошла до конца перрона и увидела надпись: «Ходить по железнодорожным путям воспрещается». Ей показалось, что в этой надписи чего-то не хватает. Ну конечно же, должно было быть: «Детям до 16 лет ходить по железнодорожным путям воспрещается». Она себе не представляла, что людям старше шестнадцати лет может быть что-нибудь запрещено.

Тетя в далеком сказочном Курске мерещилась ей. Конечно, она могла бы на электричке на добрых несколько десятков километров приблизиться к своей мечте, но Гривенник числился в родословной Копейки.

А Гривенник был очень гордый мальчик и ни за что не стал бы ездить зайцем. И девочка спрыгнула с перрона и пошла в далекий путь, который даже паровозы заканчивают пыхтя.

Сначала она шла очень весело и жалела о том, что у нее нет веревочки. Она бы через эту веревочку прыгала со шпалы на шпалу и так бы, играючи, прибыла в Курск. Но, дойдя до станции «Москва-Товарная», она почувствовала себя так, как автор этого произведения,

написавший только первую строчку своих предстоящих десяти сказок. Хватит ли у меня сил, возможностей и фантазии дойти до последней станции-страницы, на фронте которой гордо высится название «Конец»? И я не поеду зайцем, потому что все мои герои — гордые, а гордые они потому, что я — автор — числюсь в их родословной.

Не сердитесь, читатель. Чем дальше я буду углубляться в свои сказки, тем реже будет мое вмешательство.

Девочка Копейка остановилась. Ей с небольшого холмика было видно, как рельсы извиваются большим полукругом, и она решила пройти по ним. Это километра на два сокращало дорогу. После хождения по шпалам ноги ее чуть не закричали от радости — трава была такой мягкой, человеческой и ласковой! Девочка положила на траву свои ладошки, и они тоже очень обрадовались.

Потом девочка легла на траву. И все тело — и родинка на правом плече, и косички ее, и все двадцать ногтей на руках и ногах ощутили безмерную радость. Девочка заснула.

Ее разбудил какой-то старичок. Он был чуть-чуть неправдоподобен, то ли из легенды, то ли из ближайшего колхоза. Глаза у него были выцветшие и тусклые, как и полагается их возрасту, а руки у него были беспокойные. Они все время двигались, они жестикулировали, они как бы жаловались: «Зачем нас отдали этому старому телу? Мы еще, ох, чего можем сотворить!».

— Куда ты идешь, девочка?

Девочка не ответила. Она только спросила:

— Скажите, старый человек, вы когда-нибудь были мальчиком?

— Не помню, — угрюмо ответил старик.

— А мы помним! — закричали его руки.

— А вы помните девочку, которую вы полюбили?

— Давно это было, — неохотно ответил старик, и пальцы его рук сцепились, как в объятии.

— Куда же вы идете?

— Я иду за пенсией, — ответил старик, и руки его безмолвно повисли.

— До свиданья! — сказала девочка и пошла дальше.

— До свиданья! — сказал старик и пошел дальше в противоположную сторону.

Он очень устал. Он присел на пенек и положил голову на руки. И тогда руки напомнили ему о его молодости.

И он вспомнил точно такую же девочку, которую он встретил шестьдесят семь лет тому назад. Она была такая милая, что ей с первого взгляда хотелось писать письма.

Больше он эту девочку не встречал.

«А сегодняшнюю девочку я обязательно встречу на обратном пути и расскажу ей о том, что я вспомнил».

Но встреча эта не состоялась. Когда он возвращался обратно, девочка была уже где-то возле станции «Стальной конь»...

Она остановилась на берегу какого-то озера. Был поздний час. Над Россией висела луна. Лунный столб рассекал озеро на две неравные части. Этот лунный столб был какой-то необыкновенный!...

Девочка разделась и вошла в воду. Ее серебряное тельце бесшумно поплыло по золотой поверхности.

Она легла на спину и увидела луну, на которой скоро будут находиться люди.

«К тому времени, — подумала девочка, — наверно, изобретут такие сильные телескопы, что я увижу, как мои знакомые машут мне оттуда руками».

Вдруг ей показалось, что луна повернулась оборотной стороной. И вместо привычной в небе матрешки девочка увидела носатый профиль старого колдуна.

Она в ужасе закрыла глаза, а когда открыла их, луна была такой же, как всегда...

Она оделась и опять пустилась в путь-дорогу. Луг кончился. Девочка снова подошла к железнодорожной насыпи. Шло время. Заря, как русская женщина, просыпалась медленно.

Она чуть приоткрыла глаза, и на земле стало светлее. Запели птицы. Они своим пением как бы доказывали прелесть человеческого существования.

Девочка шла и шла. Потом она присела на рельсы отдохнуть и задумалась. Думы детей! Это целая треть дум всего человечества...

Два поезда, как две кавалерийские армии на рысях, яростно мчались навстречу друг другу. Два паровоза для поддержания боевого духа вагонов до хрипоты трубили в свои широкие горны.

А девочка Копейка сидела на рельсах, задумавшись. Атакующий клич паровозов заставил ее мгновенно подняться и отскочить. Но отскочила она не в сторону насыпи, а в сторону соседнего пути. Еще секунда, и встречный поезд раздавил бы ее. Невероятным усилием она остановилась между путей.

Она стояла на узеньком-узеньком участке земли между двумя мчащимися поездами. Она была как разведчик на ничейной полосе между двумя сражающимися армиями. Поезда были длинные, и девочке показалось, что она уже начала дышать грохотом.

Поезда прошли, и на земле стало совсем тихо, как после празднования Дня Победы.

Девочка продолжала идти...

В двенадцати километрах южнее станции «Стальной конь» путевым обходчиком служил царский Полтинник.

Советская власть давно простила его, и он оправдал доверие.

Его участок пути был всегда в полной чистоте и исправности. Дважды он обнаружил лопнувший рельс, за что ему начальство дважды выразило благодарность.

А жил он на свете один-одинешенек. Его последний дальний-дальний родственник — голландский Поллудукат — уже давно умер...

В это воскресное утро он проснулся, как всегда, в седьмом часу утра. Он тут же поднялся, сделал несколько приседаний, произвел определенное число вдохов и выдохов. Если бы царский Полтинник ежедневно не занимался гимнастикой, он бы не дожил до наших дней.

Потом он отправился со своим длинным молоточком выстукивать рельсы: «Как вы себя чувствуете, стальные полосочки мои? Гаечки не побаливают?». И рельсы отвечали ему веселым звоном: «Крепкие наши гаечки, крепкое наше здоровье!».

Так, постукивая молоточком и слушая ответный звон рельсов, царский Полтинник дошел до конца своего участка.

Он уже собирался повернуть обратно, но обратил внимание на небольшой сине-белый, чуть шевелящийся холмик...

Вконец обессиленная от усталости и голода девочка Копейка увидела склонившееся над ней странное и удивительно привлекательное лицо. Ей показалось, что какой-то рисунок из детской книжки пришел к ней в гости. Под огромными, все еще молодыми глазами висели набухшие старческие мешки. Они были похожи на спущенные чулки. Толстые седые усы были настолько длинными, что концы их владелец загнул за уши. Из рта, невидимого под усами, донеслось:

— Ты это что, нарочно тут улеглась, девочка? Дома в кроватке надоело?

— Надоело, — солгала девочка.

— Может быть, тебе и питаться надоело?

— Не совсем надоело, — кокетливо ответила очень голодная девочка. Так бы на ее месте ответила каждая, даже не очень голодная женщина.

— Помочь тебе подняться? — спросил незнакомый человек с зачесанными за уши усами.

— Не надо, я сама! — ответила Копейка, но не в силах была подняться.

— Я понимаю, что ты — самолюбивая. Это очень похвально. Поэтому я не возьму тебя на руки, я тебя буду только поддерживать.

Так новое поколение, поддерживаемое старым поколением, подошло к будке путевого обходчика.

Знаменитой русской печи в этой будке не было. Да и где ей было поместиться в таком крохотном помещении!

Газовый баллон снабжал горючим самодельную плитку. Царский Полтинник недолго повозился у этой плитки, готовя завтрак для себя и для девочки Копейки.

Затем достал из шкафчика небольшую странную бутылку.

— Из царских погребов! — сказал он. — В семнадцатом году одна фрейлина обменяла ее на буханку хлеба.

— Фрейлина была из сказки?

— Нет. Из Зимнего дворца. Выпей. Это тебя подкрепит.

Ликер был такой старый, что никак не вытекал из бутылки. Он превратился в желе. Царский Полтинник разбил бутылку и нарезал ликер кубиками. Один из этих кубиков он молча протянул девочке. Она проглотила кубик и тотчас же почувствовала себя как в царских покоях. Глаза ее заблестели, ей захотелось общения и захотелось узнать — кто же этот удивительно милый, ни на кого не похожий старый-старый человек?

— Вы, наверно, в молодости были паяцем и были очень богатым?

— Не был я пажом и не был я очень богатым. Я был ямщиком. Должность не так уж хорошо оплачиваемая... Что ты еще скажешь, девочка?

И девочка произнесла много раз слышанную ею фразу: «Повторим?».

— Согласен! — сказал царский Полтинник и протянул ей второй кубик. И серая комнатка показалась девочке голубой. Ей все больше нравилось, становилось близким и родным круглое лицо царского Полтинника.

Слеза карлика ничуть не меньше слезы великана. Пьяная девочка не менее сентиментальна, чем взрослый мужчина:

— Знаете, вы необыкновенно добрый! Я еще таких добрых людей не встречала.

— В этом нет ничего удивительного, — изрек царский Полтинник. — Все люди к старости становятся добрыми. Нет на свете человека добрее палача на пенсии...

Вода в котле уже давно забулькала, картошка сварилась, и гостеприимный хозяин выложил на стол редкую рыбу — шемаю. Он был страстным рыболовом и в течение всего завтрака жаловался девочке на то, как хищнически ведется рыбный промысел в Азовском море, как скоро, наверно, исчезнет такая волшебная рыба, как рыбец и шемая. Он с горечью констатировал, что этой рыбы осталось так мало...

Честно говоря, он совсем не был заинтересован в судьбе этой редкой рыбы. Он просто хотел отвлечь девочку от горя, если оно у нее было. Стремясь к этой цели, он мог бы с таким же успехом рассказывать девочке об исчезновении тигров в индийских джунглях или об инвалидности рифмы в современных стихотворениях.

Но девочка заинтересовалась:

— А в ваше время было больше этой шемаи-рыбца?

— Куда больше! Почти задарма продавалась.

— А почему так?

— Потому что вместе со всей техникой растет и техника уничтожения. Вот, скажем, каспийский лосось...

Плотина — это, конечно, великая вещь. А лососю что — плотина? Для лосося плотина все равно что для человека высотный дом без дверей. И вот люди будут жить в светлых домах, а кушать они будут вяленую треску. Может, когда и стерлядка попадет.

Но девочка уже не слушала. Глаза ее смыкались. Ей показалось, что она взлетела высоко-высоко в небо и потом плавно опустилась на землю. Это царский Полтинник взял ее на руки и уложил на единственную в своем домике лежанку. Затем он уселся на табуретку и стал напряженно, не мигая, смотреть на девочку Копейку.

Что ждет ее? Какие люди, какие напасти, какая любовь?

Девочке приснилось, что она приблизилась к концу своего путешествия. Вот она уже в городе Курске, вот он — заветный угол Сказки и Большой Почтовой улицы. Тетя ушла на рынок, но навстречу ей выбежал пестрый котенок и приветственно замурлыкал. Она взяла

его на руку и потерлась щекой об его шерстку. А на самом деле это царский Полтинник поцеловал ее. Его усов хватило бы на добрую сотню котят.

Девочка спала. А легендарно старый человек с неустанной любовью смотрел на нее. Он завидовал людям, общающимся с ней, он завидовал дому, где она постоянно живет, он завидовал воздуху, который несет ее голосок.

Так был одинок этот царский Полтинник!

Ну хорошо! Он, чтобы позабавить ее, рассказывал ей всякие небылицы о рыбах. О чем он ей еще будет рассказывать, когда она проснется, и как будет забавлять ее?

Девочка спала долго, и у царского Полтинника было время принять правильное решение.

Когда девочка проснулась, он повел ее ознакомиться со своим хозяйством. Он дал ей в руки длинный молоточек, девочка с наслаждением стучала по всем рельсам, и ей казалось, что она дирижирует хором, где все голоса одинаковы.

Затем он повел ее километра за два от железной дороги. Пасека помещалась так далеко, потому что пчелы не выносили шума железной дороги, не подозревали о ее назначении и поэтому избегали ее. Этим они резко отличались от многих людей, более всего активных в деле, которого они не понимают и назначение которого для них весьма туманно.

На пасеке он объяснил девочке, что пчелы создают мед все теми же допотопными способами. Прошли тысячелетия, никаких усовершенствований в их деле не было, и, тем не менее, меда хватает.

И он сравнил добычу меда с любовью. Пусть бы современные молодые люди любили так, как Ромео любил Джульетту, или кавалер де Гриё Маной Леско, или князь Андрей Болконский Наташу Ростову, или Катюша Маслова Нехлюдова, и никаких новаторств тут не нужно. Усовершенствование в любви ведет только к ее испорченности.

Девочка любила слушать про любовь, и если кое-что она иногда не понимала, то это не имело никакого значения. Важен был предмет обсуждения.

На обратном пути царский Полтинник все время молчал. Для него тоже любовь была только предметом обсуждения. И он когда-то был молод и, старея, не заметил той грани, когда страстная любовь переходит в любовь родительскую. Это бывает даже у бездетных людей, у них особенно. Старые девы в таких случаях разводят кошек, а старики ждут у своих будок — может быть, и к ним забредет девочка Копейка...

И опять газ зашипел на самодельной плитке, и яйца, не успев стать цыплятами, заверещали на сковородке.

— Дать тебе еще кубик ликера? — спросил царский Полтинник.

— Не надо. Я не хочу спаиваться, — резонно ответила девочка.

Царскому Полтиннику показалось, что электрическая лампочка светит слишком резко и не создает нужного девочке уюта. Он вынул из шкафчика гильзу от зенитного снаряда, найденную им при отступлении немцев, зажег прикрепленный к ней фитиль, погасил лампочку, и тени, как трусливые великаны, забегали по стенам.

Затем он вызвал сверчка. Сверчок был очень старый, старше царского Полтинника, но он все еще мог стрекотать.

Девочке сверчок очень понравился, и ей захотелось, чтобы у каждого ребенка было по сверчку. Конечно, глупо было бы создавать специальные фермы для разведения сверчков, но если записать это стрекотание на граммофонную пластинку, то один сверчок мог бы обслужить все детское население земного шара.

— Ложись и спи, — предложил царский Полтинник девочке Копейке.

— Да ведь тут всего одна лежанка.

— Ты ложись и спи.

— А вы?

— Я сам о себе позабочусь.

За окном накапливалась гроза. Вдалеке мелькали еще молчаливые молнии. Они, как ораторы, тихонько откашливались прежде, чем заговорить. И они громко заговорили. Но девочка уже спала. Ежеминутный гром и шум падающей с неба воды казались ей музыкой

какого-то необыкновенного бала, на котором она обязательно будет танцевать. Не какой-нибудь фокстрот или танго, а именно тот вальс, который после Золушки вышел из моды. Царский Полтинник, усевшись на табуретку, долго и напряженно смотрел на девочку. Ему очень хотелось узнать, кто она, куда и зачем идет.

«Ладно, утром узнаю», — решил он, медленно засыпая на табуретке.

Он протер глаза и снова взглянул на девочку.

«Странно, — подумал он вслух, считая, что девочка не услышит, — днем на ней были веснушки. Куда же они делись?»

Особенно страшный удар грома разбудил девочку.

Она услышала слова своего гостеприимного хозяина.

— А они — эти веснушки — они у меня дрессированные, — сказала она.

— Это ты какой-то сон видишь? — скептически улыбнулся царский Полтинник.

— А вот я и не сплю, — возразила девочка. — Веснушки, ко мне! — приказала она. И под тонкой кожицей ее лица забегали божьи коровки, потом каждая уселась на свое место. Девочка платочком вытерла лицо, и оно опять стало чистым и гладким.

— Прямо Дуров какая-то! — удивился царский Полтинник. — Что ты еще можешь?

— Больше я ничего не могу, — призналась девочка. — Кошки и собаки меня не слушаются.

Вы спите. И я тоже засну.

Она повернулась на бочок и заснула. Царский Полтинник тоже постепенно погрузился в сон. Из старинных часов выскочила кукушка, прокуковала двенадцать раз, поняла, что тут ей больше нечего делать, и скрылась в своей будочке.

Страшный удар в дверь потряс домик до основания.

— Кто там? — проснулся царский Полтинник.

— Отвори! Это я — Михаил Иванович! — донесся густой бас из-за двери.

— Сейчас отворю!

В комнату вошел таежный Медведь. Шерсть на нем была всклокочена, маленькие глаза тревожно смотрели:

— Я продрог от этого проклятого ливня. Обогрей меня!

Пока растапливалась печурка, они оба долго молчали.

— Давно мы с тобой не видались, — сказал царский Полтинник, когда веселые огоньки отразились в глазах Медведя.

— Да! Еще задолго до того, как меня на своей картине нарисовал художник Шишкин.

— Чем тебя угощать? Медом или водкой?

— Водкой! — категорически ответил таежный Медведь. — Медом закусывать будем.

— Ты только веди себя потише. Видишь?

Медведь посмотрел на спящую девочку:

— Правнучка?

— Вроде, — уклончиво ответил царский Полтинник.

Он поставил на стол бутылку самогона, бочонок солений и кварту меду. А Медведь уже сам разлил по стаканам вино.

— За встречу! — тихо пробасил он.

— За встречу! — пробасил царский Полтинник.

Выпили. Девочка повернулась во сне. Оба испуганно оглянулись.

— И за следующую встречу! — предложил царский Полтинник, вновь наливая стаканы.

— Боюсь, что не будет нашей следующей встречи, — грустно и не сразу произнес таежный Медведь.

— Почему так?

— Я верю в предчувствия, — еще грустнее произнес таежный Медведь.

— А кто тебя выгнал из тайги и почему ты сюда приплелся?

— Техника меня выгнала. В тайге уже осталось всего шестнадцать медвежьих берлог. И все на учете. Я не стал ждать, когда меня выгонят, я сам ушел.

— Так, так... — сочувственно покряхтел царский Полтинник. — А почему ты ко мне приплелся?

— В сказке ничего объяснять не надо, — мудро ответил таежный Медведь.

— Что же ты думаешь делать?

— Не знаю... Не знаю, не знаю, не знаю, — трижды повторил Медведь, налил третий стакан, сам его выпил и стал совсем грустным. — Хотя...

Царский Полтинник выжидательно посмотрел на него.

— Ты помнишь, — продолжал таежный Медведь, — в раздевалках больших ресторанов стояло чучело медведя с подносом и пьяные купцы бросали двугривенные на этот поднос? Живы еще в ресторанах эти медведи с подносами?

— Давно ликвидировали.

— Жаль, а то бы я ежедневно по несколько часов притворялся чучелом, и у меня были бы средства к существованию.

...Он проливал пьяные слезы. Когда он особенно громко всхлипнул, девочка проснулась.

— Я еще спать хочу, — капризно сказала она, — а вы тут шумите.

— Прости меня, девочка, — извинился таежный Медведь, — я сейчас уйду.

Он обратился к царскому Полтиннику:

— Пока темно, я пойду. Я не хочу, чтобы меня заточили в какой-нибудь зоопарк. Я терпеть не могу эти вечные дома отдыха.

— Я пойду с вами, — сказала девочка Копейка. — Мне нужен надежный защитник. Вы меня проводите только до Курска. Там моя тетька живет. Она живет на углу Сказки и Большой Почтовой улицы. Седьмое почтовое отделение. Туда же можно посылать письма до востребования. Можно и фототелеграммы. Это большое достижение современной техники — фототелеграммы.

Телевизор — тоже большое достижение техники. Наверно, у моей тети есть телевизор.

Девочка говорила без устали. Ей очень хотелось показаться Медведю интересной. Но ее перебил обратившийся к Медведю царский Полтинник:

— Чего возьмешь в дорогу?

— Буханку хлеба, кусок сыра, банку меду и лопату, — последовал ответ.

— К чему лопата?

— Нужна. И все!

— А тебе, девочка, что нужно в дорогу?

— Ничего не нужно. Мы будем делиться продуктами. Не правда ли?

— Безусловно, будем делиться, — согласился таежный Медведь.

— Нет, я тебя так не отпущу. Я тебе обязательно что-нибудь подарю. Вот возьми эти часы. Они очень большие, и поэтому их в народе зовут луковицей.

— А как же вы без часов?

— А у меня вот эта кукушка остается. А потом, я по проходящим поездам легко узнаю время...

Долго еще стоял у порога царский Полтинник, глядя вслед уходящим. Его длинные усы от тяжести слез пригнулись к земле.

— Двух девочек Копеек ни в чьей жизни никогда не бывает. Спасибо судьбе, если бывает хоть одна.

Он вошел в комнату и запер за собой дверь. Больше его никто никогда не видел.

Машинист скорого поезда Москва — Симферополь не поверил своим глазам. У него было острое зрение, но то, что он увидел, показалось ему бредом.

— Смотри, Колька, смотри! — закричал он кочегару. — Ты видишь?

Но железная дорога в этом месте была извилистой, и когда поезд вышел на прямую, Медведя и след простыл. А у машиниста потом из-за этого было много неприятностей. Они кончились, когда он принес справку от районного психиатра. В этой справке значилось, что

владелец ее страдает повышенным давлением (240 на 160), но ему все же можно доверить водить поезд...

Таежный медведь, сойдя с насыпи в ложбинку, уложил спящую девочку Копейку на траву и с облегчением вздохнул. Всю дорогу он, чтобы не тревожить девочку, нес лопату под мышкой, и правая лапа его совсем заоченела.

Затем он, плюнув на лапы, принялся рыть землю. Земля была податливая, и минут через десять яма была готова.

Но Медведь продолжал трудиться. Шагов за четыреста от ямы он нашел большущий камень и, переверачивая его, докатил до ямы и на самом краю уложил его, предварительно подложив под него сосновый сук.

Затем таежный Медведь удобно уселся на краю своей будущей могилы и начал прощаться с жизнью.

Сначала он посмотрел на небо. Сколько дождей и снега оно посылало ему! Сколько раз оно меняло цвета, чтобы ему, таежному Медведю, было жить веселее! Сколько звезд светило ему!

Потом он посмотрел на землю. Она посылала ему радости не как небо — сверху, а снизу. Сколько живых корней и безмолвных могил в ней было!

«Еще одной прибавится!» — равнодушно подумал он.

Он разбудил девочку:

— Срочное дело!

— Какое дело? — спросила девочка.

Медведь начисто был лишен чувства юмора и все же перед смертью он попытался сострить:

— Я отправляюсь в забавное путешествие. Проводи меня.

— Куда вы отправляетесь?

— Я умираю.

А для девочки смерть не была таким уж страшным явлением. Она ей казалась как бы какой-то частью света. Европа, Азия, Африка, Австралия, Америка и Смерть — шестая часть света.

— Я сейчас улягусь на дне этой ямы, — продолжал таежный Медведь, — и когда ты позовешь меня, а я не откликнусь, дерни слегка вот за этот сучок, и камень обрушится.

— Зачем вам это нужно?

— Я не хочу, чтобы мое тело растерзали хищные звери.

— Хорошо. Я сделаю так, как вы говорите... А почему вы знаете, что сегодня умрете?

— Я — зверь. А звери всегда знают день и час своей смерти.

Он улегся на дне ямы и стал ждать. Девочка наверху тоже ждала.

Они молча провели несколько часов: Медведь — под землей, девочка — на земле.

Наступил вечер. Медведь не умирал. К полночи он убедился в том, что инстинкт обманул его. Конечно, он мог бы вылезть из ямы и дожидаться более благоприятного часа для своей смерти, но ему не хотелось показаться симулянтом, и он продолжал лежать.

Так прошло несколько дней. Девочка непрерывно окликала его, и Медведь непрерывно откликался.

— Я боюсь, что моя тетя умрет раньше вас, — бестактно сказала девочка, — и тогда мое путешествие бесполезно.

Тут Медведь почувствовал близость своей кончины. Когда через двадцать минут девочка окликнула его, он не отозвался. Все было кончено. Девочка слегка дернула за сучок...

На этом огромном камне нет никакой эпитафии, так что без меня — сказочника — вы эту могилу никогда не найдете. Я могу вам только ориентировочно сообщить адрес этой могилы. Она находится в шестидесяти двух километрах южнее станции «Стальной конь». Там вам следует взять немного вправо и дойти до того места, где следы зайца пересекаются со следами лисицы...

Девочка почувствовала себя художником, когда посмотрела на украшенную ею могилу. Она переложила несколько полевых цветов и, сказав: «Все в порядке!» — пошла дальше.

Теперь она была совсем одна! Бедняжка, она не знала, что на следующий день ей предстоят еще похороны...

С утра к девочке Копейке привязалась бабочка Однодневка. Мне лень рыться в книгах по естествознанию, и поэтому я не могу вам точно описать ее. Знаю только, что она была величиной с лепесток сирени и что тяжелая пыльца на ее крылышках весила чуть меньше всего тела бабочки, поэтому она не могла далеко летать. А цвета она была такого, какой всем нравится.

С рассвета бабочка непрерывно летала перед лицом девочки. Она как бы изучала, с каким человеком она имеет дело. Потом доверчиво села девочке на плечо. Девочка притворилась, что не заметила этого.

Так они прошли до полудня. Шара в этот день была нестерпимой. Бабочка совсем обмякла. На ее бархатных крылышках потемнела пыльца, взгляд ее помутился, ножки были как чужие.

Долго они шли под этим зноем. Часы-луковица показали двенадцать часов.

— До чего же мне жить надоело! — сказала бабочка Однодневка.

Потом облако закрыло солнце, зной несколько спал, и бабочка развеселилась. Для нее настала пора любви. В такую пору всегда подворачивается какое-нибудь живое существо. Откуда-то появилась еще одна бабочка Однодневка, и обе они закружились в брачном танце. Так продолжалось несколько часов.

Измученная девочка шла и шла. И перед нею порхала чужая любовь.

Пролетавшая мимо ласточка устремила на бабочек, и в пятом часу вечера бабочка Однодневка стала вдовой.

Девочка Копейка еле передвигала ноги. Она уселась на какой-то пенек и задремала.

Когда она проснулась, уже темнело. Жизнь бабочки Однодневки приближалась к концу. Девочка посмотрела на подарок царского Полтинника. Часы, разведя руками, показали четверть десятого...

Сумрак густел. Он, как темный поток, следовал за девочкой. Когда она утром собралась продолжать путь, у ног ее лежала мертвая бабочка Однодневка.

Девочка в говорливом ручейке обмыла ее тельце, положила в заячий след и накрыла сосновой шишкой.

Проползавший мимо муравей застыл от любопытства.

Девочка обратилась к нему:

— Ты будешь стоять на часах у ее могилы. Я не хочу, чтобы ее тело растерзали хищные звери.

— Я — человек военный, — сказал муравей. — Я с поста не сойду!

Он поднял чуть видный сучочек и вскинул его на плечо...

Девочка продолжала идти к своей тете. Она прошла уже много километров. Водокачка ближайшего населенного пункта и самый населенный пункт, все более и более уменьшались вдаль. Потом они совсем исчезли. Уже ничего не было видно. А муравей, стоящий на часах, был виден...

В городе Курске нарастала тревога. Упорные слухи о совершенно измученной девочке, идущей из Москвы пешком к своей тете, живущей на углу Сказки и Большой Почтовой улицы, подтверждались.

Город Курск не был городом-героем, но он был советским городом, и он пошел навстречу девочке. Сначала, как водится, поднялись окраины. Одноэтажные домики шли быстро, как юноши на футбольный матч. Двухэтажные шли, покачиваясь, как троллейбусы-империалы.

А вот большие дома сильно отставали. Особенно отставал один громадный дом. У этого дома не хватало стен для вывесок — столько в нем было учреждений.

Он так и застрял на восемнадцатом километре. И так как служащие не хотели работать на периферии, дом скоро опустел. Потом в нем устроили пансионат для проезжающих путешественников, и люди были очень довольны.

Только поэты знают, что город Курск сейчас находится много севернее того места, где он находился раньше...

Девочка Копейка неожиданно для себя очутилась в центре города. Окна во всех домах были раскрыты настежь, и люди в них пальцем указывали в одном направлении.

Девочка поняла, что люди указывают, где живет ее тетя.

А тетя даже не вышла племяннице навстречу. Она в это время полоскала белье. У нее был сын-балбес. Он, даже не познакомившись с девочкой Копейкой, сделал ей подножку.

Девочка упала. Потом она поднялась и стала жить-поживать у своей ничем не примечательной тети, живущей только своими рыночными интересами.

У нее во время войны сгорел домик, и ей случайно по нерадивости дали комнату на углу Сказки.

Если бы девочка Копейка знала, что у нее такая неинтересная тетя, она бы и не начинала своего такого долгого и утомительного путешествия...

2

А второй мой Гривенник был очень порядочный мальчик. Он сразу же пошел в детский дом, где его воспитали... Он получил сначала среднее, а потом высшее образование и стал инженером в каком-то тресте. И все же его потом арестовали за взятку, и он будет сидеть в тюрьме до самого конца этого моего повествования...

1960-е годы.